

Г. А. Праздников²

КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВО: ДИАЛОГ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Прогнозируя будущее мира в канун нового тысячелетия, видный европейский ученый Клод Леви-

² Заведующий кафедрой философии и истории Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный профессор СПбГУП. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. книг: «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт», «Направленность художественной формы: художник и публика», «Нравственный смысл художественного творчества» и др. Член Союза театральных деятелей.

Строс произнес знаменательные слова: «XXI век будет веком гуманитарной науки либо его вообще не будет». Всякий социальный прогноз связан с большой долей неопределенности, но это пророчество скорее тяготеет к реальному смыслу, чем к метафоре. Только совершенно нечуткий человек может не уловить при всех успехах современной цивилизации нарастающее чувство тревоги. Ответственно думающие люди понимают, что раздираемый противоречиями современный глобальный мир требует глубочайшего гуманитарного осмысления. В широком обсуждении проблем возрождения российской науки

практически отсутствует ее гуманитарная составляющая. Сказать, что это вызывает недоумение, — значит почти ничего не сказать. Кризис современной исторической ситуации, в том числе и в России, происходит не потому, что не хватает финансовых средств и профессионально умелых, образованных людей. Мир деформирован нарастающими тенденциями дезинтеграции разных сфер деятельности — политической, экономической, научной, технической, художественной, мало ориентированных на реалии человеческой жизни. Незадолго до добровольного ухода из жизни, академик Валерий Алексеевич Легасов неординарно объяснил нашу страшную техногенную катастрофу: «Чернобыли взрываются от того, что нынешние “гении техники” стоят не на плечах Толстого и Достоевского, а на плечах таких же “технарей”, как и они сами»¹.

Только глубокое гуманитарное мышление в состоянии постичь эту загадочную максиму выдающегося ученого-естественника («технаря»). Современная культура вышла на пик смыслового поиска, особенно очевидного на фоне разрушительных реформ образования, безответственных интеллектуальных игр, отвязных телешоу. Время покажет, оправдает ли гуманитарная наука брошенный ей вызов, да и хватит ли ей этого времени. Свою последнюю книгу, завершенную незадолго до смерти, один из крупнейших наших мыслителей Александр Зиновьев заканчивает категорично и мрачно: «Человечество погибает от своей глупости»².

Гуманизация жизни, самосовершенствование человека и человечества — таков объективный смысл исторического процесса, в котором свободно и целенаправленно, или, напротив, преодолевая объективные и субъективные трудности, мир превращается в человеческий мир. «Мир человека» — безоценочное, нейтральное понятие. Человечность — качественная оценка этого мира, и связана она не с любой, но только с нравственно направленной деятельностью. Человеческий мир связан с Абсолютом, идеалом, ориентирован на подлинные ценности человеческой жизни. В середине 1980-х годов Дмитрий Сергеевич Лихачев предложил ввести в гуманитарную науку понятие «человекофера» (или на международную латыни — «гомосфера»). Понятие «всеобъемлющее, как ноосфера Вернадского, как биосфера, но заключающее в себе иную основу — человечность, гуманность, одухотворенность...»³

В широком смысле слова человеческий мир и есть мир культуры. Именно культура превращает социальное пространство в человеческий мир. Сохранение и развитие культуры — одна из важнейших смысловых ориентаций государственного строительства и межгосударственного сотрудничества. Именно поэтому свободное использование культурных ценностей и участие в культурной жизни — одно из определяющих прав человека, закрепленное в юридических документах как российско-го (Конституция РФ, п. 2, ст. 44), так и междуна-

родного уровня (Декларация прав человека, ООН. 1948 г., ст. 27).

В настоящее время в России завершается разработка нового базового федерального закона о культуре. В Государственной Думе прошли парламентские слушания, на которых была обсуждена концепция проекта закона, предварительно рассмотренная и проанализированная в Российском институте культурологии (РИК).

Из выявленных в ходе обсуждения проблемных узлов концепции мне представляются принципиально значимыми два. Первый — опасность ведомственного подхода, когда содержание закона может быть сведено к деятельности учреждений и сфер, подчиненных Министерству культуры. Скажем, обсуждаемая реформа образования — одна из важнейших составляющих российской культуры, равно как культурные процессы, проходящие за границами образовательных учреждений, — важнейший фактор формирования образовательного потенциала страны.

Второй узел — проблематичность самой регуляции в сложной и деликатной сфере культуры. «То, что задача государства — поддержка культуры в разных формах, — понятно. Но, например, “управлять” культурой нельзя», — сказал на обсуждении концепции один из ее разработчиков, директор РИКа Кирилл Разлогов⁴. Заковыченность слова «управлять», по-видимому, выражает ироническую интонацию ученого, его отношение к ситуации, когда культура была не только скована системой запретов, но вынужденно подчинялась жестким предписаниям, деформирующим творчество. Именно в этих условиях сложилось представление об управлении как о деятельности, внешней по отношению к культуре, чуждой ей и в принципе невозможной. Но ведь закон не просто управление, управление *жесткое*.

На самом деле противоречия нет. Два вышеобозначенных узла разрешаются двуединством сущностным толкованием культуры, «схватывающим» ее чрезвычайно сложное содержание. Если культура не только совокупность материальных и духовных ценностей, но и процессы их сотворения, освоения, функционирования, то управление этими процессами есть момент самой культуры. В той же мере определяющий ее жизнь (управление культурой), сколько и определяемый ею (культура управления). Образ жизни, системы ценностей, норм — все это культура. Тип культуры, как полагал Питирим Сорокин, определяется тем, какие ценности лежат в его основе. Права человека, его отношение к закону, непреложное ему подчинение или возможность обойти, пренебречь — все это есть состояние культуры. Наверное устарели «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятые в 1992 году; по-видимому, недостаточно хорошо прописаны в нем какие-то положения, но ведь нарушение норматива расходов на культуру из федерального бюджета в размере 2 % уже в момент принятия закона

¹ Московские новости. 1987. 17 дек. С. 7.

² Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 521.

³ Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 15.

⁴ См.: Токмашева М. Культура без фундамента // Культура. 29 янв. — 3 февр. 2010. № 3. С. 3.

и во все последующие годы (иногда менее 1 %) никак не связано с несовершенством документа.

Чем выше уровень культуры общества, тем совершеннее оно управляет культурным процессом. Прежде всего это материальное обеспечение культуры. Государственная жизнь — тоже предмет соответствующего регулирования, поскольку только на уровне целостного системного видения культуры возможно справедливое и равномерное обеспечение потребностей учреждений культуры и населения страны. Управление предполагает определение приоритетных сфер и направлений культуры, их долговременную и ситуативную поддержку, а также (заранее предвижу реакцию!) различные формы контроля и ограничений. По самой сути культура не может быть стихийным (или управляемым «невидимой рукой рынка») процессом.

Регулирование культурной жизни — это не запрет тех или иных фильмов, спектаклей, выставок, но осознанное, целенаправленное обеспечение условий, в которых культура может наиболее полно реализовать свое назначение. Только в таком измерении следует понимать заложенную в концепции нового закона мысль о необходимости охвата культурой всех социально-экономических программ страны. Создание новых культурных объектов и организация их успешного функционирования полагаются не как отраслевой «довесок» к социальным проектам, но как их экзистенциально-смысловая основа.

Обозначим только несколько вопросов, решение которых невозможно без централизованного целостного управления культурной сферой в ее нынешнем состоянии:

1) отсутствие не только равных, но относительно сопоставимых возможностей общения с высокой культурой в центрах и провинции. В небольших городах и селах не встречаются с «живым» искусством от 87 до 93 % жителей страны. Телеканал «Культура» — по сути единственный канал культурных программ — по недавнему свидетельству министра культуры Александра Авдеева имеют возможность смотреть только 3 % потенциальных зрителей;

2) низкая материальная обеспеченность населения, исключающая возможности не только знакомства с культурными ценностями других стран, но резко ограничивающая для многих посещение театров, кинотеатров, музеев, приобретение книг и звукозаписей в собственной стране;

3) слабая общегуманитарная и художественная культура людей, определяющая отсутствие соответствующих потребностей даже при возможности их финансового обеспечения. Нарастающие тенденции дегуманитаризации образования имеют катастрофический характер — искусство в учебных планах российской школы занимает в разы меньшее место, чем в школах развитых стран. Доступность искусства, законодательно обеспеченная каждому гражданину, предполагает огромную просветительскую и воспитательную работу по поводу искусства и помимо него. Многие жители столичных городов

ни разу в жизни не были в театре, не бывают в музеях и не смотрят канал «Культура». Реальная цифра зрителей этого канала, по-видимому, много меньше потенциальных 3 %.

Детские школы искусств, которые не только готовят кадры для профессионального художественного образования, но и формировали хороших зрителей и слушателей, ввиду дороговизны обучения многим оказались недоступны. Прежде оплата обучения в этих школах была соотносима с возможностями практически всех групп населения, ныне многим она не по карману.

В ежегодных докладах о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (их тексты можно найти в Интернете) значительное место занимает вопрос о нарушении прав человека в сфере культуры, причем динамика этих обращений возрастает. Вот лишь некоторые из претензий граждан:

- резко ограничены возможности реализации прав в области образования, несопоставимые для богатых и бедных, горожан и сельских жителей;
- разрушена сеть клубных и культурно-просветительских учреждений;
- отток и текучесть педагогических кадров, особенно молодых (отъезд за рубеж, репетиторство, переход в другие сферы деятельности), вследствие крайне низкой оплаты труда;
- отсутствие единого культурного пространства;
- недоступность отечественной прессы (в результате непомерно высоких цен на подписку резко сократились тиражи);
- незащищенность людей (особенно детей) от нравственно негативного воздействия СМИ;
- вытеснение из программ радио и телевидения классического искусства.

Самое тревожное обстоятельство состоит в том, что на жалобы, претензии, предложения, содержащиеся в докладах, никто никак не реагирует. При нарастающей риторике о защите неотъемлемых прав человека их нарушение — причем самых первостепенных — становится *нормой*. Дисбаланс между законодательно утвержденными правами и невозможностью их реализации люди переживают острее, чем отсутствие соответствующих прав.

Вот строки, написанные незадолго до смерти одним из лучших наших поэтов последних десятилетий, благородным и совестливым человеком Владимиром Соколовым:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Это состояние экзистенциального вакуума, переживаемое многими нашими соотечественниками, не только опрометчиво, но опасно списывать на «чернушные» веяния в искусстве.

Тема прав и свобод человека явно вытеснила из наших разговоров проблему ответственности,

в высшей степени свойственную русской культуре. «Святая русская литература», — говорил Томас Манн устами героя своей ранней новеллы «Тонио Крегер», и через всю свою жизнь пронес эту оценку. Тема ответственности художника идет от «Слова о полку Игореве», открыто, даже декларативно утверждает пушкинским «Пророком». В таком понимании ответственность художника перед искусством и жизнью составляет одно целое — «единство обывания» (М. Бахтин). Необходимость этого единства особенно отчетливо осознается в переломные эпохи. Говоря о кризисе культуры, Н. А. Бердяев отмечает выход культуры из сферы специализаций и дифференциаций: «Основная проблема века — проблема отношения творчества (культуры) к жизни (бытию)»¹. Актуальность этих слов, написанных в 1916 году, ныне возросла многократно.

Все острее тема ответственности обозначается и в мировой культуре. В сентябре 1997 года влиятельная неправительственная организация, объединяющая бывших президентов и премьер-министров стран всех континентов (Совет международного сотрудничества), представила мировой общественности проект Всеобщей декларации обязанностей человека, полагая, что ООН дополнит этим документом Декларацию прав человека. Этот проект опубликован в ряде западных стран и в России, но до сих пор не принят, хотя его текст хорошо известен

в мире, и приходится неоднократно встречать обращение к нему в отечественной литературе.

Необходимо отметить, что в преамбуле проекта признание ответственности и обязанностей связывается с человеческим достоинством как основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Имеет этот документ правовой статус или не имеет — вопрос времени, а не смысла. Чрезвычайно важного смысла нашего времени.

Отношение свободы и ответственности в диалоге не только (даже не столько!) гармония, но конфликт и противоречия. Уже общим местом стало в разговорах наших деятелей культуры сопровождать слово «ответственность» прилагательным «пресловутая» — «никто никому ничего не должен». Неолиберализм исключает из своей теории любые аргументы в поддержку справедливости. Красноречиво название книги Александра Никонова, одного из лидеров неолиберальной публицистики, — «Свобода от равенства и братства».

Жизненное бытие, состояние культуры и организационные процессы в ней есть система неразрывных связей и отношений, причин и следствий. Необходимо заново осознать: ответственность и предполагаемые ею ограничения — не досадная помеха в свободной жизни, а фундаментальное условие самой свободы.

Впрочем, порядочные люди никогда это не забывали, и, может быть, на их консервативной нравственности страна и держится.

¹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 520.